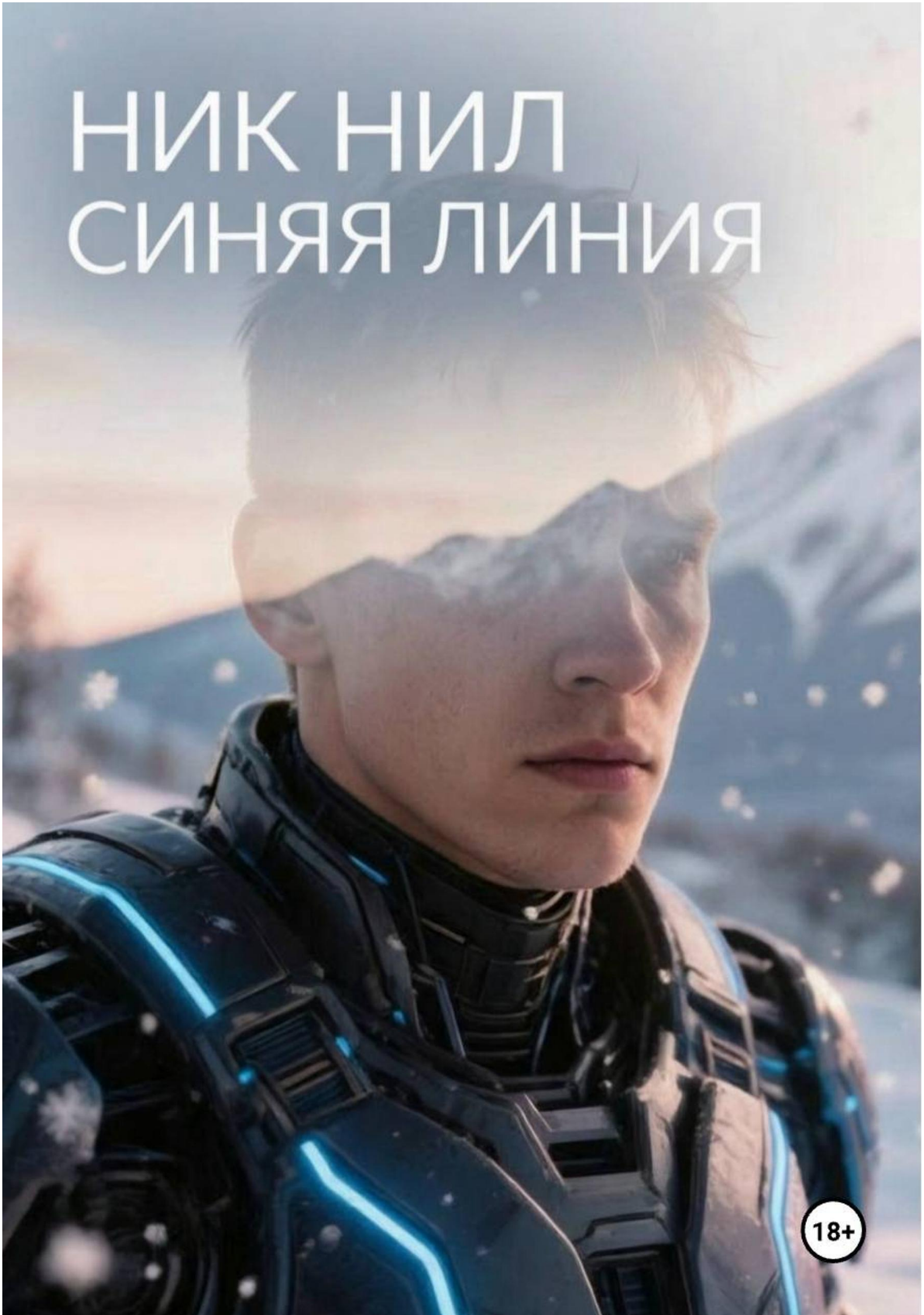
НИК НИЛ
СИНЯЯ ЛИНИЯ

18+

Ник Нил

Синяя линия

«Автор»
2026

Нил Н.

Синяя линия / Н. Нил — «Автор», 2026

Алина — талантливый защитник женской хоккейной команды, чья карьера висит на волоске из-за тяжелой травмы. Сафин — избалованный гений, капитан мужской сборной и сын всемогущего олигарха, для которого хоккей — это клетка из чистого золота. Их миры сталкиваются, когда ради спасения команды они заключают фиктивную сделку: брак по расчету в обмен на спасение сезона.Но лед не прощает фальши. То, что начиналось как циничный контракт, превращается в самую жесткую схватку в их жизни. Им предстоит пройти через предательство отцов, потерю контрактов, тяжелые травмы и жизнь в тесной хрущевке, чтобы понять: настоящая победа — это не Кубок Стэнли или Гагарина, а право быть собой. Это история о десяти поколениях одной семьи, где любовь измеряется не словами, а способностью закрыть собой бросок. От студенческого плей-офф в Казани до цифровых арен будущего — «Синяя линия» проведет вас через боль, кровь и код, доказывая, что настоящие династии не заканчиваются.

© Нил Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лед и презрение 6
Глава 2. Золотая клетка 10
Глава 3. Игра в одни ворота 15
Глава 4. Хрущевка и костыли 20
Глава 5. Таможня дает добро 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ник Нил
Синяя линия

Жанр: Young Adult, спортивная романтика

Сеттинг: Россия, Казань. Современность.

Ориентир: Атмосфера закрытого спортивного братства, напряжение плей-офф и химия героев в духе «Off Campus».

Логлайн: Когда капитан женской хоккейной команды Казанской академии спорта получает тяжелую травму, федерация ставит ультиматум: либо она находит замену на льду, либо команду распускают. Чтобы спасти сезон, ей приходится заключить сделку с главным врагом — капитаном мужской сборной, высокомерным гением хоккея, который соглашается тренировать девчонок только ради того, чтобы насолить своему отцу.

Глава 1. Лед и презрение

Запах хлорки и остывающего пластика — так пахнет поражение. Алина стояла в пустой раздевалке женской сборной «Барсы», сжимая в руке пластиковый стаканчик с остывшим кофе. На ее правом колене чернел свежий тейп. Завтра утром МРТ. Завтра утром тренер скажет то, что она уже знала по щелчку в суставе во время вчерашнего матча с Нижним Новгородом: передняя крестообразная связка. Сезон окончен. Но проблема была не в ее колене. Проблема была в том, что без ее очков, перехватов и голоса на льду команда превращалась в стадо испуганных первокурсниц. А через месяц — Универсиада.

— Салимова, — в раздевалку без стука вошел ректор спортивного вуза. За ним маячила тень в идеально сидящем клубном пиджаке. — Ты понимаешь, что подписала контракт?

— Я понимаю, что порвала связку, Марат Эдуардович, — Алина подняла на него сухие, злые глаза.

— Федерация не примет замену из дубля. У нас нет второго центра такого уровня. Если «Барса» не выйдет на лед в полном составе, финансирование на следующий год обнулят. Твою стипендию, кстати, тоже.

Алина стиснула зубы. Она из Махачкалы. Она приехала сюда, в ледяной город, где люди прячут лица в шарфы, только ради этого льда и этой стипендии.

— И что вы предлагаете? Молиться?

Ректор переглянулся с человеком в пиджаке.

— Я предлагаю нанять консультанта. Который будет натаскивать твою дублершу Камиллу. Жить на арене, если потребуется.

Из тени шагнул парень. На вид — ее ровесник, может, чуть старше. Двадцать, от силы двадцать один. Но от него веяло такой ледяной, тяжелой властью, что ректор инстинктивно отступил на шаг. У парня были плечи, не помещающиеся в дорогой пиджак, и глаза цвета выгоревшей на солнце стали.

Сафин Искандеров. Капитан мужской сборной «Барсы», первый номер драфта КХЛ, сын главного спонсора клуба и, по совместительству, личный кошмар Алины.

На прошлой неделе на общей тренировке, когда их поставили в двусторонку, Сафин целенаправленно впечатал ее в борт так, что у Алины потемнело в глазах. Просто потому, что она не ушла с его дороги.

— Я пас, — отрезала Алина. — Он ненавидит женский хоккей.

— Я ненавижу проигрывать, — ровно поправил Сафин. Его голос был низким, с легкой хрипотцой, как у человека, который слишком много орал на льду. — Твоя Камилла — это ходячий проброс. Если я сделаю из нее защитника, способного продержаться на льду хотя бы период, мне спишут академическую задолженность по философии.

— А если ты ее сломаешь?

— Я не ломаю тех, кто платит мне деньги, — Сафин усмехнулся углом губ. — Салимова, у тебя нет выбора. Либо твой клуб исчезает, либо ты пускаешь меня на свою половину площадки.

Мужская раздевалка пахла тестостероном, потом и дорогим парфюмом. Алина чувствовала себя здесь инородным телом. Сафин швырнул на скамейку свою сумку.

— Начнем с базы, — бросил он Камилле, которая вжалась в угол, боясь поднять глаза. — Стойка. Колени согнуты, вес на середине стопы.

Он подошел к девушке и без предупреждения ударил клюшкой по ее щиткам. Камилла взвизгнула и потеряла равновесие.

— Щитки не затянуты. Лезвия не заточены. Ты вышла на лед умирать, — Сафин даже не повысил голос, и от этого его слова звучали страшнее. — Салимова, переводи. Она по-русски понимает?

— Она понимает, что ты моральный урод, — огрызнулась Алина, выступая вперед.

— Отойди от нее. Сафин повернулся к Алине. В тесном пространстве его фигура казалась огромной. Он нависал над ней, заслоняя тусклый свет ламп. — Я тренер. На эти два месяца я здесь бог. Если я скажу твоей Камилле прыгнуть под шайбу, она прыгнет. А если ты еще раз откроешь рот без моего разрешения, я попрошу ректора перевести тебя с бюджетного на платное. У твоего отца ведь нет денег на платное, да, девочка из панельной пятиэтажки?

Алина почувствовала, как кровь бросилась в лицо. Он знал. Он знал все ее больные места.

— Ты останешься на льду, — тихо сказала она, глядя ему прямо в стальные глаза. — До тех пор, пока не выучишь, что женская сборная — это не твои игрушечные солдатики.

Сафин замер. На секунду в его взгляде промелькнуло что-то похожее на удивление. Никто не смел с ним так разговаривать.

— Лед покажет, — наконец бросил он. — На лед, Камилла. Двадцать кругов. Без шайбы. Бегом.

Тренировки превратились в войну. Сафин был жесток, методичен и невыносим. Он заставлял девчонок работать с утяжелителями, гонял их до тошноты и ломал их технику, чтобы выстроить заново. Но работал он только через Алину.

— Салимова, объясни ей, что клюшка — это продолжение руки, а не дубина, — командовал он, стоя у борта с планшетом.

— Сам объясни, — огрызалась Алина, массируя ноющее колено.

— Я объясняю. Тебе. Ты — мой ретранслятор.

Они оставались на арене до глубокой ночи. Когда мужская команда уходила, Сафин и Алина чертили схемы на запотевшем стекле.

— Почему ты не играешь в нападении? — спросил он однажды, когда они пили дешевый кофе из автомата в фойе. На часах было два ночи. — У тебя видение площадки уровня МХЛ. Ты убиваешь себя в обороне.

— Потому что в нападении мне некому отдавать пас, — Алина пожала плечами. — В нашей команде некому открыться.

— Мне, — просто сказал Сафин. — Если бы ты играла в моей тройке, я бы забивал по дублю за матч.

Алина фыркнула.

— Ты невыносим.

— Я эффективен.

Он подошел ближе. В пустом фойе его шаги звучали слишком громко. Сафин взял ее руку, которой она опиралась на стол, и положил на свою грудную клетку, прямо поверх эмблемы «Барсы».

— Чувствуешь? — спросил он. — Пульс. Сорок ударов в минуту. У хоккеиста в покое сердце должно спать.

Алина чувствовала. Не только пульс. Она чувствовала жар его тела через тонкую ткань олимпийской куртки, запах его геля для душа — что-то хвойное, резкое, мужское — и то, как предательски близко находится его лицо.

— Это нарушение субординации, Искандер, — хрипло сказала она, не убирая руки.

— Это констатация факта, — он наклонился ниже. — Ты ненавидишь меня, потому что я тебе нравлюсь.

— Я ненавижу тебя, потому что ты самовлюбленный кусок льда, — выдохнула она, но не отстранилась.

— Лед скользкий, — прошептал Сафин. — На нем легко упасть.

Он поцеловал ее — быстро, жадно, без разрешения, впечатывая в край пластикового стола. Алина ответила с такой яростью, что у него сбилось это идеальное сердцебиение. Руки запутались в его волосах, колени ослабли. Они отпрянули друг от друга одновременно, тяжело дыша.

— Это ничего не меняет, — бросил Сафин, поправляя воротник. — Завтра в семь. И скажи Камилле, что кругов будет тридцать.

За неделю до Универсиады Камилла сломала палец на руке, поймав шайбу. В заявке осталось пятнадцать человек. По регламенту — минимум. Алина сидела в кабинете врача, глядя на свой снимок МРТ. Связка срослась аномально быстро — спасибо бешеной регенерации профессиональных спортсменов, — но играть ей было нельзя еще месяц. Любой резкий поворот — и инвалидное кресло.

— Салимова, — в кабинет вошел Сафин. Он был в полном игровом облачении, только шлем держал в руке. — Выходи.

— Ты в своем уме? — врач поднял голову от бумаг. — У нее ПКС!

— Я знаю, — Сафин подошел к Алине. — Я буду играть с тобой в одной тройке. Я буду отдавать тебе пас только в крюк. Я буду принимать все удары на себя. Выходи на лед, или мы сдохнем в первом же периоде.

Алина посмотрела на него. На ссадину на его скуле, на сжатые челюсти, на то, как он готов был рискнуть ее здоровьем ради победы.

— Если я упаду, Сафин, — тихо сказала она, — ректор убьет тебя. А твой отец убьет ректора.

— Пусть выстраиваются в очередь, — он протянул ей шлем.

Она вышла на лед под оглушительный свист трибун. Женская сборная «Барсы» против сборной Уральского политеха. Сафин выиграл стартовое вбрасывание, отыграл шайбу назад. Алина приняла ее на синей линии, ушла от защитника, как от стоячего, и увидела, что Сафин открыт. Она бросила шайбу ему на крюк. Он в касание переправил ее обратно — точно ей на ход, в отрыв.

Алина влетела в зону соперника. На нее кинулся защитник. Она знала, что не успеет увернуться. Это было против всех инстинктов, против боли в колене, против здравого смысла. Но Сафин, бросив своего игрока, на всей скорости влетел в защитника. Раздался хруст пластика. Оба рухнули на лед. Алина осталась одна на пятаке. Она уложила вратаря и отправила шайбу в пустые ворота.

Гудок. 1:0.

Сафин, сидя на льду рядом с оглушенным соперником, посмотрел на нее и медленно, хищно улыбнулся. Алина подъехала к нему и, вместо того чтобы ругаться, стянула с его головы шлем.

— Ты идиот, — сказала она, задыхаясь.

— Но я твой идиот, — ответил он и поцеловал ее прямо посреди ледового дворца, под рев трибун и вспышки камер.

Сзади на них на полном ходу налетел их собственный вратарь, не успевший затормозить. Победа была омрачена тремя выбитыми зубами, одним растяжением и двумя неделями отработок в деканате, но это была их победа. И их начало.

Примечания автора для развития сюжета:

1. Конфликт отцов: Отец Сафина — владелец строительной империи, который купил сыну место в клубе и пытается контролировать каждый его шаг. Он категорически против его отношений с «нищей» хоккеисткой, считая, что она тянет сына на дно и отвлекает от контракта с НХЛ.

2. Травма как триггер: История Алины не заканчивается на Универсиаде. Ей предстоит принять решение: рискнуть коленом ради профессиональной карьеры в женской сборной или уйти на тренерскую работу, оставшись рядом с Сафиным, который вот-вот уедет за океан.

3. Динамика: Сафин учится эмпатии через заботу об Алине (вынужден возить ее на процедуры, готовить еду, терпеть ее сложный характер), а Алина учится доверять, переставая быть вечным «одиночкой с клюшкой.

Глава 2. Золотая клетка

Универсиада осталась позади. «Барсы» привезли в Казань золото, впервые в истории женского хоккея республики. Девушек носили на руках, ректор бил себя в грудь на пресс-конференциях, а видео того самого поцелуя на льду набрало два миллиона просмотров на спортивных пабликах. Алина купалась в лучах славы ровно до тех пор, пока не переступила порог кабинета спортивной медицины.

— Крестообразная связка — это не колготки, Салимова, — хирург постучал ручкой по ее снимку. — То, что ты отыграла финал — это чудо биохимии и лошадиная доза блокад. Если ты выйдешь на лед в этом сезоне, колено сложится пополам. Я отстраняю тебя от игр на полгода. Минимум.

— У меня контракт, — прошептала Алина. — Если я не играю, стипендии нет.

— У тебя есть выбор между стипендией и возможностью ходить в сорок лет, — отрезал врач.

Она вышла из больницы в ноябрьскую слякоть. Телефон разрядился еще утром. Денег на такси не было — последние ушли на МРТ. Алина натянула капюшон и пошла пешком через весь город, чувствуя, как правая нога подкашивается на каждом шагу. Она не заметила, как возле нее остановился черный внедорожник.

— Садись, — стекло опустилось. За рулем сидел Сафин.

Алина проигнорировала его, ускорив шаг.

— Я сказал, садись. У тебя лицо цвета свежего льда, — он вышел из машины, обогнал ее и преградил путь.

На нем не было клубного пиджака — только черная худи и спортивные штаны. Без макияжа, со сбитыми в кровь костяшками пальцев (видимо, снова подрался в баре), он выглядел пугающе настоящим.

— Мне не нужна твоя жалость, — Алина попыталась обойти его, но он схватил ее за локоть.

— Это не жалость. Это логистика. Ты живешь в общаге на другом конце города. Нога у тебя не гнется. Садись, пока я не перекинул тебя через плечо.

Квартира Сафина пахла озоном от очистителя воздуха, дорогим мужским парфюмом и одиночеством. Огромные панорамные окна выходили на «Татнефть Арену». Ледовый дворец светился в темноте, как космический корабль.

— Ненавижу этот вид, — буркнула Алина, падая на кожаный диван. — Напоминает, чего я лишилась.

Сафин молча ушел на кухню. Алина слышала, как гудит холодильник, как льется вода. Он вернулся с тарелкой, на которой лежала гора горячих сырников со сметаной, и поставил все на журнальный столик перед ее носом.

— Ешь.

— Я не твоя собака, чтобы меня подкармливать.

— Ешь, — он сел в кресло напротив, вытянув свои длинные ноги. — Ты сегодня не ела. Я знаю, как ты ешь, когда у тебя проблемы.

Алина замерла с вилкой в руке. Откуда он знает?

— Твой сосед по общаге, Тимур, — пояснил Сафин, заметив ее взгляд. — Он ставит на матчи. Я перекупил у него информацию о том, что ты идешь из больницы. Пришлось заплатить за нее втрое больше, чем он задолжал букмекерам.

— Ты следишь за мной?

— Я страхую свои инвестиции, — он усмехнулся, но глаза остались серьезными. — Салимова. Мой отец хочет, чтобы я улетел в тренировочный лагерь в Торонто. Через три дня. «Торонто Мэйпл Лифс» дают мне двусторонний контракт.

Алина почувствовала, как сырники встают комом в горле.

— Поезжай. Это же мечта.

— Это клетка, — Сафин подался вперед. — Они хотят запереть меня в фарм-клубе на два года. Выжимать из меня результат, пока я не сломаюсь, как ты. Отец уже подписал за меня все бумаги.

— Так не подписывай ты. Откажись.

— Я не могу отказаться от хоккея, — его голос дрогнул впервые за все время их знакомства. — Но я могу отказаться от их условий. Я сказал отцу, что останусь в Казани. До конца сезона. Буду играть здесь. Но для этого мне нужен стимул.

Он встал, обошел стол и сел на диван рядом с ней. Так близко, что Алина вжалась в спинку.

— Мне нужен официальный статус, — тихо сказал Сафин. — Чтобы отец не мог меня заставить. Женатый статус.

Алина моргнула.

— Ты делаешь мне предложение?

— Я предлагаю сделку, — он взял ее левую руку.

Кольца на пальце не было, и это почему-то принесло Алине дикое, иррациональное облегчение.

— Фиктивный брак. На полгода. До конца моего контракта с «Барсами». Как только я подпишу нормальный договор с НХЛ на моих условиях, мы идем в ЗАГС и разводимся. Я плачу тебе пять миллионов рублей. Сразу. Тебе хватит на новую квартиру, на реабилитацию, на то, чтобы послать этот универ к черту.

Пять миллионов. Сумма, которую ее отец, прораб на стройке, не заработал бы и за десять лет. Сумма, которая решит все проблемы.

— А если узнают? — хрипло спросила она. — В клубе, в федерации? За фиктивные браки лишают гражданства и дисквалифицируют.

— Никто не узнает, — Сафин смотрел на нее в упор своим тяжелым стальным взглядом. — Мы будем играть. Ты будешь орать на меня с лавки, я буду швырять тебя в борт на тренировках. Мы будем ненавидеть друг друга на публике. А по документам — ты моя жена. Мой якорь.

— Ты невыносимый манипулятор, — Алина высвободила руку, но не отодвинулась. — Почему я?

— Потому что тебе плевать на мои деньги. Потому что ты единственная, кто может ударить меня клюшкой по голове и не сесть в тюрьму. И потому что, — он вдруг усмехнулся, и эта усмешка сделала его лицо почти мальчишеским, — когда я тебя поцеловал на льду, у меня впервые за три года не заболела голова.

Свадьба была назначена на среду. Вместо белого платья — серый брючный костюм Алины, который она надевала на защиту диплома. Вместо смокинга — помятая черная футболка Сафина.

Регистратор в ЗАГСе смотрела на них с плохо скрываемым ужасом. Сафин стоял, засунув руки в карманы, и смотрел в окно на проезжающие снегоуборочные машины. Алина кусала губы, чтобы не рассмеяться от абсурдности происходящего.

— Согласны ли вы, Искандер Рустамович, взять в жены...

— Да, — перебил он, даже не повернув головы.

— Согласны ли вы, Алина Маратовна...

— Да, — выдохнула она.

Когда все закончилось, Сафин молча надел ей на палец тонкое платиновое кольцо.

— Это чтобы папины юристы не докопались, — пояснил он. — И чтобы тебя не увел кто-нибудь другой.

— Я на костылях, Сафин. Меня сложно увести.

— Ты теперь моя головная боль, — он подтолкнул ее к выходу. — Поехали. Отец собирает совет директоров. Я должен явиться с женой.

Дом семьи Искандеровых напоминал музей холодной войны. Мрамор, стекло, картины современных художников, за которые можно было купить небольшую страну. Отец Сафина, Рустам Искандеров, встретил их в кабинете. Он даже не встал из-за стола.

— Это шутка? — он кивнул на Алину, смерив ее взглядом с головы до ног, задержавшись на спортивных штанах.

— Это моя жена, — Сафин обнял Алину за плечи. Его хватка была железной. — Мы расписались сегодня.

Рустам побагровел.

— Ты хоть понимаешь, что ты аннулировал своим поступком? Спонсорский контракт с «ГазНефтью», где черным по белому прописано, что лицо бренда — добропорядочный семьянин! Они разорвут договор завтра утром!

— Пусть рвут, — спокойно сказал Сафин. — Я остаюсь в Казани.

— Ты останешься в АХЛ! Ты сгниешь в фарме!

— Лучше гнить в фарме свободным человеком, чем быть твоей золотой куклой в НХЛ, — голос Сафина стал ледяным. — Алина — моя жена. Она едет со мной на все выездные матчи. Она живет со мной. Если я увижу, что твои люди следят за ней или пытаются давить на нее, я сдам допинг-пробу с такой смесью, что меня забанят пожизненно. Мы поняли друг друга?

Рустам смотрел на сына так, словно видел его впервые. Затем его взгляд упал на руку Алины. На кольцо.

— Ты хоть трахнул ее, идиот? — брезгливо спросил он. — Или просто расписался?

Алина задохнулась от возмущения, но Сафин сжал ее плечо еще сильнее.

— Это не твое дело, отец. Вон из моего дома.

— Это мой дом!

— Уже нет, — Сафин достал из внутреннего кармана сложенные вчетверо бумаги. — Я выкупаю твою долю в «Барсах». По рыночной цене. С сегодняшнего дня ты — миноритарий. Выметайся.

Первые две недели «брака» они спали в разных комнатах. Сафин купил пентхаус в новом жилом комплексе прямо напротив арены. Спальни были разделены целой гостиной. Алина жила на его деньги, лечила колено, делала домашку по социальной работе (до диплома оставался год, и она упрямо не хотела его бросать) и сходила с ума от тишины.

Сафин приходил за полночь, пропахший льотом и адреналином. Молча ставил в холодильник энергетик и падал спать. Они соблюдали сделку идеально. На публике Сафин целовал ее в висок перед выходом на лед — холодно, по-деловому. Алина кричала на него с трибуны для жен игроков, когда он неоправданно рисковал.

Но однажды ночью Алина проснулась от звука бьющегося стекла. Она вышла в гостиную. Сафин сидел на полу, прислонившись спиной к дивану. Вокруг него валялись осколки бутылки из-под виски. Его трясло.

— Опять? — тихо спросила Алина.

Он кивнул. После того скандала с отцом у него начались панические атаки. Врачи называли это «синдромом отложенной боли». Психика, державшая удар годами, наконец дала трещину. Алина села рядом с ним на ковер, подобрав под себя ноги. От него разило алкоголем.

— Я боюсь, — прошептал он, утыкаясь лбом в ее плечо. От капитана сборной, от этого стального ублюдка, не осталось ничего. Только сломанный, испуганный мальчишка. — Я

боюсь, что улечу туда, стану номером один, а потом выйду на лед и просто забуду, как дышать. Как ты забыла, как ходить.

— Ты не я, — Алина запустила пальцы в его отросшие волосы. — Ты сделан из другого теста.

— Я сделан из его денег, — он поднял на нее мутные глаза. — Я никто без этой нашивки на груди.

— Ты Сафин, — она взяла его лицо в ладони. — Тот самый псих, который прыгнул под защитника с ростом метр девяносто, чтобы девочка из Махачкалы забила гол.

Он смотрел на нее долго, а потом его губы нашли ее губы. На этот раз в поцелуе не было сделки. Не было голода или расчета. Была только отчаянная, обжигающая нежность человека, который впервые в жизни позволил себе на кого-то опереться.

Он подхватил ее на руки — легко, словно она ничего не весила, — и понес в свою спальню. Там не было секса в понимании дешевых романов. Не было срывания одежды и грубости. Он раздевал ее медленно, целуя каждый синяк на ее многострадальном теле, каждую царапину. Он целовал шрам на ее колене, словно извиняясь за то, что спорт делает с людьми. Алина гладила его по спине, чувствуя под пальцами перекатывающиеся мышцы и старый шрам от конька на лопатке.

— Мы нарушаем контракт, — прошептала она ему в губы.

— К черту контракт, — ответил он, входя в нее.

Утро началось с трели домофона. Сафин, чертыхнувшись, пошел открывать. Алина, завернувшись в его одеяло, осталась в кровати. Голова гудела от недосыпа. Она услышала голос. Визгливый, истеричный женский голос.

— Искандер! Какого черта?!

Алина похолодела. Через минуту в спальню влетел Сафин. Он был бледен.

— Одевайся. Быстро.

— Кто это?

— Лана. — Он швырнул ей джинсы. — Моя... бывшая. Мы встречались до того, как ты появилась. Она из мажорок. Отец думал, это удачная партия.

— И?

— И она беременна. По крайней мере, она так кричала в прихожей. И у нее есть тест с двумя полосками, который она сняла на видео. Алина застыла с джинсами в руках.

— Это блеф.

— Это катастрофа, — Сафин рывком поднял ее с кровати. — Если мой отец узнает, что его сын-миллионер заделал ребенка девке, которая спит со всем составом «Ак Барса», он аннулирует мой выкуп клуба. И засудит меня. И тебя.

— Меня-то за что?

— За моральный ущерб его репутации! — он уже натягивал на нее свитер. — Салимова, нам нужно, чтобы все выглядело так, будто мы безумно влюблены. Прямо сейчас.

— Я не умею играть в любовь! Я умею играть в хоккей!

— Придется научиться! — он схватил ее за руку и потащил в гостиную, где на диване, закинув ногу на ногу, сидела блондинка в леопардовом пальто. Увидев Алину, Лана скривила накрашенные губы.

— О, новенькая. Какая... бюджетная.

Сафин встал перед Алиной, закрывая ее собой.

— Лана, мы уезжаем.

— Вы никуда не уедете, пока я не выложу это в сеть, — она помахала телефоном. — Смотри, милочка. Твой муженек отлично проводил время в Сочи в августе. А в сентябре появилась ты. Срок сходится.

Алина вышла из-за спины Сафина. Колено предательски кольнуло, но она выпрямилась во весь рост.

— Выкладывай, — спокойно сказала она.

Лана опешила.

— Что?

— Выкладывай. Посмотрим, сколько просмотров соберет новость «Капитан Барсов — двоеженец и насильник». Потому что, милая, если ты сейчас не удалишь видео, я вызываю полицию. В августе Искандер был в реабилитационном центре в Германии после сотрясения. У него есть справка. А если ты скажешь, что он принудил тебя, мы добавим статью за клевету. Мой отец — не прораб, у меня просто нет его денег. Но мой декан — лучший адвокат по семейному праву в Поволжье. Она преподавала мне право. Попробуй, — Алина улыбнулась так холодно, что Лана инстинктивно отшатнулась.

— У тебя тридцать секунд, прежде чем я нажму кнопку вызова.

Лана посмотрела на Сафина. Тот молчал, но в его глазах плескалось чистое, незамутненное восхищение. Блондинка фыркнула, вскочила и вылетела из квартиры, хлопнув дверью. В пентхаусе повисла тишина. Сафин смотрел на Алину так, словно видел ее впервые.

— Ты только что уничтожила дочь вице-губернатора, — медленно произнес он.

— Я защитила свою семью, — Алина прислонилась к стене. Ногу прострелила боль. — У тебя есть лед. У меня — умение бить в челюсть. Неплохая команда.

Он подошел к ней, поднял на руки и понес обратно в спальню.

— Знаешь, — сказал он, укрывая ее одеялом, — кажется, наш фиктивный брак трещит по швам.

— Кажется, я начинаю требовать повышения гонорара, — пробормотала Алина, проваливаясь в сон.

— Договорились, — прошептал Сафин, ложась рядом и прижимая ее к себе. — После финала конференции.

Тизер к третьей главе («Красная линия»):

Лана не отступает. Рустам Искандеровых блокирует счета сына. Из-за скандала с «Газ-Нефтью» «Барсы» теряют финансирование посреди сезона. Чтобы спасти команду от банкротства и не дать Сафину уехать в НХЛ на унизительных условиях, Алине придется выйти на лед вопреки запретам врачей. А Сафину — вспомнить, что за ледовым дворцом есть жизнь, в которой шайба не всегда решает проблемы.

Глава 3. Игра в одни ворота

Деньги имеют свойство заканчиваться. Особенно когда на них претендует стая юристов, нанятых человеком, чья фамилия висит на ледовом дворце. Рустам Искандеров ударил по самому больному. Он не стал оспаривать брак в суде — это привлекло бы слишком много внимания. Он просто заморозил корпоративные счета, к которым был привязан контракт Сафина.

— У меня на карте минус, — сообщил Сафин на следующее утро, швыряя телефон на кухонный остров. — И банк заблокировал «Американ Экспресс».

Алина оторвалась от учебника по социальной психологии. Она выглядела изможденной: бессонная ночь после визита Ланы, ноющее колено и осознание того, что она живет в квартире, за которую, возможно, нечем будет платить через неделю.

— Сколько у нас наличных?

— Около трехсот тысяч. Нам не хватит даже на оплату услуг охраны, которую нанял твой декан, чтобы Лана не подкараулила тебя в универе.

— Зови отца — Алина закрыла книгу.

— Чтобы он что? Посмеялся мне в лицо? Сказал, что я сам виноват, женившись на нищей?

— Зови его, чтобы он посмотрел мне в глаза, — голос Алины стал стальным. — Я не подписывалась быть твоей содержанкой, Сафин. Я подписывалась быть твоей женой. А жены умеют считать бюджет.

Рустам Искандеров явился через час. Он не стал разуваться. Прошел в гостиную, брезгливо оглядывая разбросанные конспекты Алины.

— Пришла просить денег, девочка? — усмехнулся он, садясь в кресло. — Или сразу ключи от «Порше»?

— Я пришла попросить вас разблокировать счета, — Алина села в кресло напротив. — Команда не может играть без зарплат. Мальчики начнут проигрывать, спонсоры уйдут. Ваш сын потеряет в цене на драфте. Вы потеряете миллионы.

— Это шантаж.

— Это математика, — Алина положила на столик планшет. — Я сделала аудит ваших активов. Вы блокируете его личные деньги, но не можете тронуть призовые фонда Федерации за Универсиаду. Это его личные средства, Рустам. Налоги уплачены. Если вы попытаетесь их забрать, я пойду в прокуратуру с данными о ваших офшорах, которые мне по старой дружбе слил Ахмед из моего снабжения. Вы сядете, а он останется с деньгами. Вы этого хотите?

Рустам медленно перевел взгляд с планшета на лицо Алины. В ее глазах не было страха. Только холодный, бухгалтерский расчет.

— Ты опасная женщина, — протянул он.

— Я жена вашего сына. Вы сами научили его выбирать лучшее.

Сафин, стоявший в дверях, тихо рассмеялся. Это был первый раз за неделю, когда он смеялся по-настоящему.

Счета разблокировали к вечеру. Но война только начиналась.

Травма колена не прощает геройства. Алина поняла это на утренней раскатке. Она приехала на арену, чтобы помочь тренеру с видеоразбором. Сафин был на льду — злой, рубящий воздух щелчками так, что шайба пробивала сетку ворот.

— Салимова, подай мне бинт, — крикнул врач женской команды из своего кабинета.

Алина шагнула внутрь, схватила эластичный бинт со стеллажа и развернулась. Колено подвернулось на ровном месте. Сухожилие, натренированное годами, решило, что лимит удачи исчерпан. Боль была оглушающей, белой, лишающей воздуха. Алина рухнула на пол, выронив бинт. Она не могла даже закричать — спазм перехватил горло.

Сафин влетел в кабинет через секунду. Он оттолкнул врача, упал перед ней на колени.

— Что? Где? Говори!

— Колено... — выдохнула она. — Снова.

Он осторожно, как хрустальную, закатал штанину ее спортивных брюк. Сустав надулся на глазах, став похожим на синий, пульсирующий мяч.

— Тихо, тихо, — Сафин поднял ее на руки. — Мы едем в клинику. К твоему хирургу. Прямо сейчас.

— Матч... вечером... — простонала она, утыкаясь лбом в его шею.

— К черту матч.

В клинике диагноз прозвучал как приговор: частичный разрыв мениска.

— Нужна операция, — сказал хирург. — Иначе хрящ сотрется окончательно.

— Делайте, — кивнула Алина.

— Очередь на квоту — три месяца. Частным образом — полмиллиона. Плюс реабилитация.

Алина посмотрела на Сафина. У них не было полмиллиона. Призовые за Универсиаду ушли на юристов и оплату квартиры.

— Мы не будем делать операцию сейчас, — твердо сказал Сафин врачу. — Выпишите ей блокады и костыли.

— Мальчик, если она продолжит нагружать ногу...

— Она не будет ее нагружать, — Сафин взял Алину за руку. — Мы едем домой.

Вечером «Барсы» играли матч плей-офф. Алина сидела на скамейке запасных. Правая нога была выпрямлена и закована в ортез. Сафин настоял, чтобы она поехала.

— Ты мой тренер сегодня, — сказал он ей в машине. — Твоя голова — единственное, что у нас осталось здоровым.

Игра шла вязко. Уральский политех давил. Мужская команда играла без своего капитана — Сафин получил глупое удаление в первом периоде за удар клюшкой по щиткам. Он сидел в штрафном боксе, стиснув зубы, и смотрел на лед. Алина стояла у бортика.

— Синяя линия! — кричала она, перекрывая гул трибун. — Дубко, не бросай из угла, там блок! На пятак!

Камилла, ее дублерша, которая за эти месяцы превратилась в уверенного защитника, услышала. Она не бросила. Она отдала поперечный пас.

Шайба в сетке. 1:0.

Но во втором периоде все посыпалось. Соперники поняли, что Сафина нет на льду. Они начали охотиться за их лучшим нападающим — Денисом.

— Судья слепой! — орала Алина, стуча костылем по стеклу. — Удаление!

И тут она увидела это. Рустам Искандеров сидел в вип-ложе. Он не смотрел на лед. Он разговаривал по телефону. И смотрел прямо на нее.

В третьем периоде, когда «Барсы» вели 2:1, Денис получил удар клюшкой в лицо. Кровь хлынула на лед. Сафин, чья штрафная смена только что закончилась, перемахнул через борт, не дожидаясь смены пятерки. Он не стал бить обидчика. Он просто схватил его за грудки и впечатал в борт с такой силой, что пластик затрещал.

— Еще раз тронешь моих людей, — прорычал Сафин прямо в лицо здоровенному защитнику, — и я сломаю тебе обе руки.

Судья дал ему две минуты. Но когда Сафин вернулся на скамейку, его трясло.

— Они заказали Дениса, — выдохнул он Алине. — Отец слил информацию, что Денис — наша главная цель. Они хотят вывести его из строя.

— У нас осталось два звена, — Алина вцепилась в его рукав. — Сафин, ты не можешь играть за всех. Ты выдохнешься.

— У меня нет выбора.

За три минуты до конца счет сравнялся — 2:2.

Сафин стоял на вбрасывании в зоне соперника. Он провел на льду уже двадцать восемь минут из тридцати возможных. Его форма потяжелела от пота, плечо, куда он постоянно принимал силовые приемы, висело плетью.

Алина смотрела на него через всю площадку. Она видела, как дрожат его руки, сжимающие клюшку. Он выиграл вбрасывание. Отдал шайбу. Ушел на синюю линию, открываясь под бросок. Защитник соперника снес его в подкате. Грязно, в колено. Сафин рухнул на лед, проехав по инерции несколько метров. Он не пытался встать.

Алина забыла про костыль. Она рванулась к борту, но ее перехватил врач.

— Стой, куда! Упадешь!

— Пусти! Сафин лежал на льду. Матч остановили. Медики выбежали на площадку. — Коньки, — хрипел он, пытаясь дотянуться до горла.

— Расшнуруйте. Нога немеет. Алина оттолкнула врача, перемахнула через борт и упала на колени рядом с ним прямо на холодный пластик.

— Я здесь, — она схватила его за руку. — Я с тобой.

Сафин открыл глаза. Его зрачки были расширены от боли и адреналина.

— Вставай, — прошептал он. — Они смотрят.

— К черту их.

— Вставай, Алина. Если я сейчас не встану, я больше никогда не поднимусь. Я трус. Я боюсь закончить так же, как ты.

Это была ложь. Он не был трусом. Но ему нужно было услышать это от нее.

— Ты не трус, — она поцеловала его в ледяную, мокрую от пота щеку. — Ты псих. Самый лучший псих на свете. Поднимайся.

Он зарычал, напрягся всем телом и, опираясь на ее плечо, встал. Нога держала.

— Уходи на лавку, — приказал он ей. — Живо.

Алина похромала к борту. До конца оставалось сорок секунд. Сафин, хромая, доехал до своей зоны. Он не мог ускоряться. Он просто занял позицию.

Уральцы пошли в контратаку. Их нападающий вышел один на один с вратарем «Барсов». Сафин, собрав последние силы, оттолкнулся здоровой ногой и полетел наперерез. Он не мог успеть. Но он мог заставить промахнуться. Он выбросил клюшку вперед, целясь в крюк соперника. Удар. Нападающий споткнулся. Шайба сошла с крюка и улетела в заградительную сетку. Сирена. Овертайм.

В раздевалке пахло кровью, потом и ментолом. Сафин сидел на скамейке, стягивая с себя наколенник. Его колено распухло до размеров дыни.

— Ты порвал связку, — констатировал врач. — Медиальную.

— Снимайте форму, — бросил Сафин. — Мне нужно в душ.

— Тебе нужно в больницу!

— Сначала в душ. Алина вошла в раздевалку. Игроки расступились. Она дошла до Сафина и села перед ним на корточки, игнорируя боль в собственном колене. — Мы прошли дальше, — тихо сказала она.

— Мы сдохли, — он поднял на нее глаза.

В них стояли слезы. Не от боли — от бессилия.

— Салимова, я не могу. Я не могу больше играть. Я не чувствую ногу.

— Мы найдем деньги на твою операцию. — Дело не в деньгах! — он ударил кулаком по шкафчику, оставив вмятину. — Дело в том, что я пуст. Я отдал этому льду всё. А он просто сожрал меня.

В этот момент дверь раздевалки распахнулась. На пороге стоял Рустам Искандеров. Он обвел взглядом разгромленную раздевалку, разбитое лицо сына, Алину в спортивном костюме, сидящую у его ног, и врачей.

— Ты проиграл, — сказал Рустам, глядя только на сына. — Ты опозорил меня. Ты женился на этой... поломанной девке. Ты потерял контракт.

Сафин медленно поднял голову.

— Я выиграл, — его голос был тихим, но в раздевалке повисла мертвая тишина. — Я выиграл то, чего у тебя никогда не будет.

— И что же? — усмехнулся Рустам.

Сафин посмотрел на Алину. На ее бледное, решительное лицо, на ее травмированное колено, на то, как она готова была защищать его даже сейчас.

— Семью, — просто ответил Сафин. — Настоящую.

Рустам побледнел.

— Ты уволен, — прошипел он. — Из клуба. Из семьи. Из моей жизни.

— Я свободен, — кивнул Сафин.

Когда отец ушел, Сафин закрыл лицо руками. Его плечи затряслись. Алина обняла его, прижимая его тяжелую, вздрагивающую голову к своей груди.

— Тише, — шептала она, гладя его по волосам. — Я с тобой. Я всегда буду с тобой.

— Не бросай меня, — прошептал он в ее толстовку, и это было самое страшное, что Алина слышала от этого сильного, железного человека. — Пожалуйста, не бросай меня, когда я стану бесполезным.

— Ты никогда не будешь бесполезным, — она поцеловала его в макушку. — Мы просто сменим амплуа.

Через неделю они сидели в кабинете хирурга.

— Сафину нужна пластика связок. Три месяца в гипсе, полгода реабилитации, — врач переводил взгляд с одного на другого. — Алине нужна резекция мениска. Если сделать обе операции в один заход, под одним наркозом, мы сэкономим на стационаре.

— Делайте, — в один голос сказали они.

— Кто будет оплачивать? — уточнил администратор.

Сафин достал из кармана банковскую карту.

— Попробуйте списать.

Это была его личная карта. Та самая, на которую падали призовые. Платеж прошел.

— Откуда? — удивилась Алина. — Ты же говорил, отец заблокировал...

— Он заблокировал корпоративные счета, — Сафин сжал ее руку. — Но он забыл про мой личный фонд. Тот, который я открыл в восемнадцать лет на свои первые премиальные. Отец не имел к нему доступа. Там ровно столько, сколько нужно на две операции и год жизни в съемной однушке.

— Мы не сможем снимать этот пентхаус, — грустно улыбнулась Алина.

— К черту пентхаус, — Сафин притянул ее к себе и поцеловал, не стесняясь медсестер. — Купим двушку в хрущевке. Я буду учиться готовить. Ты будешь орать на меня, когда я буду оставлять носки на полу.

— Я буду орать на тебя, когда ты попытаешься сбежать на костылях в ночной клуб, — Алина вытерла выступившую у него в уголке глаза слезу.

— Это будет весело, — он улыбнулся.

Они лежали в соседних палатах после операции. Сафин под морфином пытался флиртовать с медсестрами, а Алина сквозь дрему слушала, как он поет в коридоре какую-то похабную песню про хоккей. Впервые за долгие годы она чувствовала себя в безопасности. Лед забрал у них сезон. Забрал здоровье. Но он подарил им друг друга.

Тизер к четвёртой главе («Овертайм»):

Сафин в гипсе от бедра до щиколотки. Алина учится ходить заново. Деньги тают. Чтобы не сойти с ума в четырех стенах, Сафин начинает тренировать детскую дворовую команду. Алина, используя свои навыки социальной работы, выбивает для них грант на новую коробку.

Но когда на горизонте появляется скаут из Канады с предложением, от которого невозможно отказаться, им придется решить: что важнее — спасенная карьера одного или спасенное будущее многих?

Глава 4. Хрущевка и костыли

Запах жареной картошки с луком — самый честный запах в мире. Он не врет о миллионах, не пахнет кожей премиальных авто и не отдает хлоркой ледового дворца. Он пахнет домом.

Алина, опираясь на костыль, с трудом развернулась в тесной кухне. Шестнадцать квадратных метров, желтые обои, которые они поклеили сами на выходных, и холодильник, который гудел так, будто пытался взлететь.

— Салимова, ты пытаешься сжечь мою единственную сковороду, — Сафин, опираясь на ходунки, доковылял до дверного проема.

Его правая нога была закована в тяжелый полимерный сапог, похожий на реквизит из фантастического фильма. Ходить ему разрешалось только с ходунками и только по квартире. Еще три недели до снятия гипса.

— Это не твоя сковорода, это наша сковорода, — огрызнулась Алина, выключая газ. — И если ты еще раз назовешь меня по фамилии в постели, я ударю тебя этой сковородой по твоей умной голове.

— В постели я зову тебя «женушка», — он ухмыльнулся, плюхаясь на скрипучий табурет. — Алина Маратовна звучит слишком официально для человека, который видел, как я блюю в тазик после наркоза.

Они смеялись. Это был нервный, истерический смех людей, у которых за душой осталась только съемная квартира, проеденная травмой стипендия Алины и остатки призовых Сафина, которые таяли быстрее мартовского снега.

— Нам нужно искать работу, — Алина поставила перед ним тарелку. — Нормальную работу. Мне — в соцзащиту, тебе...

— Мне нельзя в офис, — Сафин помрачнел. — Я начинаю чесаться через час. Мне нужен адреналин.

— Тебе нужен покой, — она села напротив. — Сафин, ты лежишь на диване уже месяц. Ты читаешь спортивную аналитику до дыр. Ты разобрал тактику «Детройта» 2008 года наизусть. Тебе скучно.

— Мне не скучно. Мне страшно, — он перестал жевать. — Я смотрю матчи. Сижу на диване, смотрю, как пацаны летают по льду, и у меня физически чешутся ноги. А потом я смотрю на свой сапог и понимаю, что я — никто. Набор порванных связок, который больше никому не нужен.

— Ты нужен мне, — тихо сказала Алина.

— Этого мало, — он отодвинул тарелку. — Этого мало, чтобы платить за эту картошку через полгода.

Районная коробка во дворе их хрущевки представляла собой жалкое зрелище. Покосившиеся борта, лед, похожий на лунную поверхность, и пустота. Алина вышла туда в субботу утром. Колено все еще ныло, но ходить без костыля она уже могла. На льду ковырялся пацан лет восьми. Он пытался сделать «кораблик», но лезвия коньков были тупыми, и он раз за разом падал в сугроб.

— У тебя шнурки развязались, — сказала Алина. Пацан поднял на нее лицо в инее. — Не завязываются. Узел слабый.

— Двойной «бабий» — для самоубийц, — Алина присела на скамейку, морщась от боли в суставе. — Смотри. Делаешь петлю, просовываешь кончик два раза. Держит мертво.

Через полчаса вокруг нее собралось шестеро детей. Все в разномастной форме, с ржавыми коньками.

— Кто хочет научиться делать «щелчок»? — крикнула она.

К ней подошел мужчина в засаленной куртке «Адидас».

— Вы тренер?

— Я Алина.

— Я дядя Витя. Это дети из нашего ТСЖ. Денег на секцию нет, вот мы их сюда и выгоняем, чтоб под ногами не путались. Вы из «Спортшколы»?

— Я из соседнего подъезда, — Алина кивнула на свою хрущевку. — Но я играла за «Барсу».

Дядя Витя присвистнул. К вечеру у Алины был список из двадцати детей, разбитый коленный сустав, который требовал льда, и полное отсутствие понимания, что с этим делать.

— Ты открыла секцию без меня? — Сафин стоял в прихожей, опираясь на ходунки. Его глаза горели тем самым опасным огнем, который она видела перед решающим матчем.

— Я открыла кружок «Как не убиться на льду», — Алина помогла ему снять куртку. — Сафин, там лед как наждачка. У них коньки не точены с прошлого века.

— Я иду туда, — он решительно взялся за ходунки.

— Ты не дойдешь. Там лед. Ты упадешь. — Пусть несут.

Через двадцать минут Сафин сидел на складном рыбацком стульчике посреди коробки. Дети обступили его плотным кольцом. Гипсовый сапог, торчащий из-под тренировочного костюма, выглядел как инопланетный артефакт.

— Значит так, мелочь, — голос Сафина, привыкший перекрывать рев трибун, гремел над коробкой. — Меня зовут Искандер. Я сломал ногу, потому что играл как идиот. Не будьте мной.

Он тренировал их три часа. Сидя. Он объяснял физику скольжения, используя палку и снежок. Он учил их держать корпус, заставляя стоять в полуприседе до тех пор, пока у них не начинали трястись ноги.

— Хоккей — это не про то, как бить, — говорил он. — Это про то, как держать баланс. Смотрите на меня. Я не могу встать. Но я все еще на льду. Потому что голова важнее ног.

Дети смотрели на него как на бога. Когда начало темнеть, Сафин выдохся. Адреналин спал, и боль в разорванной связке ударила с новой силой. Алина вызвала такси. Пока они ждали машину, Сафин положил свою забинтованную голову ей на плечо.

— Спасибо, — прошептал он.

— За что?

— За то, что вытащила меня из коробки.

Алина не спала ночами. Днем она бегала по инстанциям с документами на грант «Дворы Москвы» (в их случае — «Дворы Казани»), а ночами писала проектную документацию. Ее навыки разработчика информационных систем, которые она получила в универе, оказались бесценными. Она создала базу данных детей, систему учета инвентаря и смету, от которой у комиссии департамента спорта должны были потечь слюнки.

— Вы понимаете, что вы — студентка, а ваш муж — безработный инвалид? — чиновник в пиджаке смотрел на нее поверх очков. — Мы не можем выделить два миллиона рублей на частную инициативу.

— Мы не частная инициатива, — Алина положила на стол папку. — Мы — АНО «Синяя линия». Вот устав. Вот справка о регистрации. Вот письмо поддержки от Федерации хоккея Татарстана — я выбила его через декана, она дружит с министром. А вот это, — Алина выложила флешку, — это смета. Мы просим не два миллиона. Мы просим один миллион восемьсот. Двести тысяч я вкладываю из своих призовых.

— Зачем вам это? Вы же спортсменка.

— Я — социальная работа, — Алина посмотрела ему прямо в глаза. — Я знаю, что чувствует ребенок, у которого есть талант, но нет денег на тренера. Я знаю, что чувствует мать-одиночка, которая не знает, куда деть сына, чтобы он не сел на иглу. Лед — это лучший реабилитационный центр. Он учит дисциплине. Дайте нам деньги.

Чиновник долго молчал.

— Хорошо, Алина Маратовна. Но если вы украдете хоть один саморез, я лично приду ломать вашу коробку.

Пока Алина строила империю из фанеры и льда, реальность постучалась в их хрущевку в виде заказного письма. Сафин вскрыл конверт здоровой рукой. Пробежал глазами по строчкам на английском. Его лицо, обычно подвижное и нервное, превратилось в маску.

— Что там? — Алина вытирала руки от цементной пыли (они сами заливали фундамент под новые трибуны).

— «Торонто Мэйпл Лифс», — глухо сказал Сафин. — Отдел скаутинга.

— Это те, которые предлагали двусторонний контракт?

— Это те, которые предлагают односторонний. НХЛ. Не АХЛ. Сразу в основу.

Алина села на мешок с цементом.

— Но... твоя нога. Ты же...

— Они пишут, что видели видео с коробки, — Сафин поднял на нее больные глаза. — Они пишут, что видели, как я тренирую детей, сидя в гипсе. Они пишут, что им нужен не просто защитник. Им нужен лидер раздевалки. Человек, который знает цену травме. Они предлагают мне контракт «фронт-офиса» на первый год. Тренер по развитию защитников. Жилье. Виза. Грин-карта. А как только я прохожу медицину и встаю на ноги — место в составе.

Это был джекпот. Это была мечта, ради которой он рвал связки с пяти лет.

— Это же... это всё, — прошептала Алина.

— Это всё, — эхом отозвался Сафин.

Он подошел к ней, сел на корточки, заглядывая в лицо.

— Поедешь?

— Сафин, у меня пятый курс. У меня диплом. У меня здесь дети, которые ждут клюшки...

— Мы купим им клюшки. Мы купим им дворец. У тебя будет лучший диплом в мире, я оплачу тебе Йель, если захочешь. Поедешь?

Алина посмотрела на свои руки в мозолях, на недостроенную трибуну за окном, на их тесную кухню, где в углу стояли его ходунки.

— Я не могу уехать, — тихо сказала она. — Не сейчас. Я только начала дышать этим воздухом. Я нужна здесь.

— А я? — его голос дрогнул. — Я тебе там не нужен?

— Ты нужен мне везде, — она взяла его лицо в ладони. — Но если ты сейчас уедешь, бросив это, — она кивнула на окно, — ты возненавидишь себя. НХЛ — это прекрасно. Но ты посмотри на себя. Ты ожил только здесь, на этой убогой коробке. Ты нужен этим детям больше, чем «Торонто».

— Это жестоко, — выдохнул Сафин.

— Это честно, — она поцеловала его. — Я отпущу тебя. Я буду самой верной женой хоккеиста на другом континенте. Но только если ты сам решишь, что коробка — это не твой уровень. Не решай за меня.

Сафин не подписал контракт в тот день. Он запросил у «Торонто» месяц. Месяц на реабилитацию. Он пахал на коробке вместе с Алиной. Он таскал мешки, сидя в инвалидном кресле. Он чертил схемы освещения для ночного льда. Его колено заживало. Медленно, тяжело, но правильно.

В день, когда ему должны были снять сапог, на коробку приехал кортеж. Рустам Искандеров вышел из черного «Рейндж Ровера». Он постоял, глядя на свежевыкрашенные борта, на детей, которые чистили лед самодельными скребками, и на свою невестку, которая командовала разгрузкой купленных на грант станков для заточки коньков. Он подошел к Сафину, который стоял на костылях, опираясь на плечо Алины.

— Я аннулировал твой контракт с «Барсами», — сказал Рустам. — Ты больше не игрок.

— Я знаю, — спокойно ответил Сафин.

— Я аннулировал и твое право выкупа доли.

— Мне не нужна твоя доля, отец. Мне нужна моя жизнь.

Рустам перевел взгляд на Алину.

— Ты его сломала.

— Нет, — Алина выпрямилась. — Это вы его сломали, Рустам Ильдарович. А я просто разрешила ему быть сломанным. И он оказался сильнее, чем когда был целым.

Рустам молча сел в машину и уехал.

Больше они его не видели.

Вечером, когда Сафин, хромая, но уже на своих двух ногах, вышел на лед без ходунков, дети взревели. Он сделал круг. Медленно. Осторожно. Каждый шаг отдавался болью, но это была правильная боль. Он подъехал к Алине, которая стояла у борта.

— Ну что, женушка? — он попытался улыбнуться, но губы дрожали. — В Торонто?

— В Торонто, — кивнула она. — Но сначала мы достроим здесь раздевалку. Сафин перегнулся через борт и поцеловал ее. Глубоко, долго, так, что у нее перехватило дыхание.

— Я люблю тебя, Алина Маратовна Салимова, — сказал он.

— Я знаю, Искандер Рустамович, — она стерла слезу с его щеки. — Иначе зачем бы я вышла за тебя замуж без пяти миллионов?

Он рассмеялся, обнял ее здоровой рукой, и они долго стояли посреди коробки, пока дети вокруг них играли в самую шумную, самую счастливую и самую настоящую игру на свете.

Примечание для серии:

В следующих главах серии фокус может смещаться на подросших детей из «Синей линии», на карьеру Сафина в НХЛ (или его окончательный выбор в пользу тренерской работы в России) и на развитие социального проекта Алины, который перерастает в федеральную программу.

Глава 5. Таможня дает добро

Аэропорт Хитроу пах кофе, стерильными ковролинами и чужим будущим. Алина стояла у ленты выдачи багажа, глядя на три огромных баула. В одном — ее жизнь. Во втором — форма Сафина. В третьем — жесткий пластиковый кейс, внутри которого, как корона, лежала его клюшка. Карбоновая, сделанная на заказ, с гравировкой «Синяя линия» на пятке.

Сафин вышел из зоны досмотра. За последние полгода он изменился. Гипсовая худоба ушла, сменившись сухой, функциональной мускулатурой. Он двигался плавно, как пантера, но в его походке появилась едва заметная экономность — привычка беречь правую ногу, которая все еще напоминала о себе тупой болью перед дождем.

— Таможня интересовалась, зачем нам три пары коньков на двоих, — усмехнулся он, забирая у нее ручку самого тяжелого чемодана.

— Скажи им, что у тебя левая и правая нога разного размера, — Алина взяла его под руку. — Как тебе Лондон?

— Слишком зелено. И лед не тот.

Они прилетели в Торонто через три дня, но лига отправила Сафина на обязательный медосмотр и акклиматизацию в лондонский фарм-клуб «Марлис». Это была формальность, бюрократическая мясорубка, через которую пропускали всех новичков.

Их встретила машина от клуба. Черный внедорожник, водитель в костюме, тишина, в которой слышно только, как хрустит гравий под колесами. Отель оказался небоскребом из стекла и стали.

— Люксов больше нет, только президентский, — скучающим тоном сообщил администратор. — Клуб оплатил.

Сафин швырнул сумку на мраморный пол номера.

— Салимова, мы живем в музее. Я боюсь сесть на диван, он стоит больше моей почки.

— Не волнуйся, — Алина распаковывала их скудный гардероб. — У меня стипендия. Если что, продадим шторы.

Утром их привезли на арену. «Scotiabank Arena» давила. Это был не ледовый дворец. Это был собор. Собор, где вместо икон висели свитера легенд под потолком, а вместо ладана пахло резиной и холодным пластиком.

Сафина забрали на тесты. Алина осталась в ложе скаутов. Здесь не было запаха дешевого кофе и кирзовых сапог, как в Казани. Здесь пахло деньгами. Итальянским твидом, ментоловым одеколоном и властью.

— Русская жена? — к ней подсел седой мужчина в очках с тонкой оправой. На его бейдже значилось: «Генменеджер».

— Да.

— Смелая. Большинство прячут жен в подвалах, когда начинается драфт. А у вас парень с историей. Сломанная нога, скандальный развод с отцом, фиктивный брак, который стал настоящим... Пресса сожрет.

— Мы не кормим прессу, — ровно ответила Алина.

— Это зря, — он улыбнулся одними губами. — Пресса — это рейтинги. Рейтинги — это джерси. Джерси — это ваша новая вилла в Миссиссоге.

— Нам не нужна вилла. Нам нужна его спина. Чтобы он не закончил в инвалидном кресле в тридцать.

Мужчина долго смотрел на нее, а затем перевел взгляд на лед, где Сафин в желтой манерке (форма новичков) отрабатывал бег спиной вперед.

— Он хорош, — тихо сказал генменеджер. — Но он сломан. А мы не покупаем сломанные вещи за первый раунд.

— Тогда не покупайте, — Алина встала. — Мы приехали сюда не за первым раундом. Мы приехали за тем, чтобы он мог ходить в пятьдесят.

Драфт НХЛ — это мясорубка. Семь раундов, двести двадцать четыре пика. И семь раундов ожидания, от которых седеют в двадцать два.

Их посадили в «Зеленую комнату» — ложу для топовых проспектов. Сафин сидел в идеально сидящем клубном костюме. Галстук душил, воротник натирал шею. Он смотрел на сцену, где комиссар лиги выходил объявлять имена.

Первый раунд. Второй. Третий. Имена его друзей по молодежной сборной звучали одно за другим. Сафин не двигался. Только пальцы правой руки, лежащей на подлокотнике, выбивали дробь. Алина взяла его руку. Она была ледяной.

— Четвертый раунд, — прошептал он. — Меня нет.

— Значит, будет пятый.

— Пятый — это мусор. Это контракты на две недели. Это автобусы вместо самолетов.

— Это все еще НХЛ, — Алина сжала его пальцы.

Пятый раунд. Шестой. Комиссар подошел к микрофону.

— Шестой раунд, сто семьдесят восьмой общий пик...

Алина затаила дыхание.

— «Торонто Мэйпл Лифс» выбирает... номер сорок четыре... Защитник... Искандер Сафин.

Сафин моргнул. Раз. Второй. Он не улыбался. Он просто медленно выдохнул, словно до этого момента вообще не дышал.

— Встать, — скомандовала Алина. — Иди.

Он пошел на сцену. Под софитами, под рев толпы, под вспышки камер. Он надел свитер «Торонто». Слишком большой, новый, пахнущий заводской краской. Когда он вернулся, его трясло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.